

«Здесь жили поэты и каждый встречал
другого надменной улыбкой»

Новая газ. - 2004 - 21. 23 июня - с. 14

СУДЫ

№43 (973) 21.06—23.06.2004 г.

17

Евгения Александровича непривычно видеть в очереди в канцелярию. Растерянная улыбка на фоне угрюмых лиц, хипповская матерчатая сумка среди пухлых портфелей...

Он рассказывает, как практически заново выстроил дом, где живет уже сорок лет: «Там нет ни одного плинтуса, который бы я не подправил собственноручно»; как мучительно долго добивался права узаконить этот дом.

Теперь у Евтушенко есть государственный документ на право собственности. А Римма Казакова — против этого документа. Почему? Разве это она строила дачу Евтушенко? Спрашиваем Е.А., как друзья становятся хозяйствующими субъектами.

— Я знаю Римму с 57-го года. Чудная девочка была, называла меня своим учителем, а теперь набрасывается на меня... Она дает скандальные, нестойкие интервью западной прессе. Цитировать неудобно. Римма публично исследует мою кровь — не еврей ли я, — а раньше исследовала стихи.

— Наблюдателю сейчас невозможно подсчитать, на сколько молекул распались писательские структуры. И проследить логику их взаимодействия.

— Международный Литфонд не распался. И та позиция, с которой выступает Римма Казакова, нелегитимна.

Видно, что говорить такие слова Евтушенко непривычно и неловко. А нам становится неловко от того, что в хронике бюрократического абсурда крайним оказался именно он.

— Что чувствует человек, когда его хотят выгнать из собственного дома?

— Ужас! Три дня назад получил письмо. Меня впервые в жизни вызвали в суд! До этого я ни разу не ходил судиться — только разводился с женами. Это происходило мирно и даже душевно. А сегодня — так мерзко, как будто я что-то у кого-то отнял... Не проверив законность документов, приняли дело без печати легитимного председателя Литфонда, чтобы затем направить на рассмотрение. Без меня вынесли проект решения — и пригласили к накрытому столу. В случае отсутствия ответчика дело было бы решено. А я ведь случайно заехал на московскую квартиру и обнаружил письмо. Круглый год, когда не читаю лекции в Штатах, безвылазно живу в

ИСК в неблагогородном деле

Римма
Казакова
против
Евгения
Евтушенко

Переделкине — перестроил там все, а то все разваливалось.

Он очень устал: по двадцать часов работает над составлением антологии «10 веков русской поэзии». Сегодня оторвался от дел. Сбежал в суд тайком от домашних, всего неделя прошла после операции на ноге. Он лукаво улыбается, ковыляя по лестнице с шпательной тростью в руке до зала суда: «Это старая травма. Играл во дворе в футбол. Соперником был... — и называет ну очень известную в большом футболе фамилию. — Видели бы меня сейчас врачи — убили бы!».

«Я заполню сам, что же я — писать не умею?» — возмущается, когда адвокат предлагает помочь с бюрократической бумажкой. И пишет в соответствующей графе, а потом декламирует с улыбкой: «Вызван по гражданскому иску председательницы нелегитимного самозванного Литфонда, где меня обвиняют в незаконном присвоении права собственности люди, к этой собственности не имеющие законного отношения». Адвокат недовольна несерьезным тоном ответчика, а случайные слушатели, просят у Евгения Александровича автограф.

В зал суда журналистов пускать не хотели: зачем ходить, говорят, процесс хоть открытый, но сложный. Евтушенко выясняет, что в зал не только с журналистами нельзя — а еще и с домашними животными, громкими разговорами и нецензурными выражениями. И, улыбаясь, показывает на казенную табличку...

Но в зал суда мы все-таки, испросив разрешения, вошли. И сделали здесь неожиданное для себя открытие: беззастенчивый стиль попы распространялся и на другие слои нашего общества. Когда слушаешь на судебном заседании поэта Римму Казакову, вещающую о том, что «в Переделкине разрушают общественную собственность», — становится неловко. Соглашались, режет ухо, ибо печальный опыт страны обязывает знать: собственность разрушается именно тогда, когда она — общественная.

Здесь необходима историческая справка. Бывший Литературный Фонд СССР в начале девяностых преобразовался в МООП (международную общественную организацию писателей) «Литературный фонд». Но ее сообразительный менеджер — некий г-н Полумян, изычно вписав в аббревиатуру лишь одно слово — «благотворительный» (так ро-

дилась МОБОП «Литературный фонд»), стал всевластным хозяином организации согласно ее новому продвинутому им уставу. Полумян, конечно, по-прежнему был далек от литературы, зато в его ведении оказались писательские 6 тысяч квадратных метров в центре Москвы, дачи в Переделкине. Ну и еще по мелочи... (Позже председателем МОБОП объявили поэта Римму Казакову. Что и подтверждает удостоверение, выданное ей Полумяном.)

Растерянность охватила в то время литераторов. «Ушли» на сторону дачи Фадеева (одна из самых больших в Переделкине), Чаковского, поликлиника Литфонда. Недвижимость в центре Москвы, сдаваемая Полумяном в аренду, приносила доходы в среднем около 20 долларов за кв. метр. По крайней мере на бумаге именно так.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Об этом уже писали: законно зарегистрированный Международный литфонд уволил бывшего исполнительного директора Полумяна за злоупотребления, а тот быстро создал видимость другого как бы альтернативного литфонда. Римму Казакову он нанял в качестве вице-председателя этих «Рогов и копыт».

Минуту, а теперь и Московский областной суд подтвердили, что у Полумяна — Казаковой не было никакого права называть себя организацией, их «контора» не была внесена в Государственный реестр. Но это им не помешало, заняв здание на ул. Усиевича, 8, рассылать иски в различные суды и взимать арендную плату с писателей. Такое возможно только в России!

Неужели и сейчас, когда им не удалось легитимизироваться с помощью суда, будет продолжаться этот абсурд, чисто российская история с самозванцами?

Последовала череда судебных заседаний. Полумян и МОБОП выигрывали в районном суде. Иски писателей и МООП удовлетворяла вышестоящая инстанция — Московский городской суд. Однако мифическая с точки зрения Мосгорсуда организация Полумяна, не зарегистрированная в Государственном реестре, вполне реально продолжала заключать договоры, сдавать в аренду жилые и хозяйственные постройки. При этом еще и взывать к высокому суду!

В этом абсурде, в этой юридической неразберихе, где писателей на два хода вперед обыгрывал талантливый — отдадим ему должное — бухгалтер-предприниматель, точку неожиданно поставил процесс Евтушенко — Казакова.

Римма Федоровна, надо сказать, обеспечивала идеологическую поддержку Полумяну. Войдя в образ председателя Литературного фонда, колесила по стране, встречалась с общественностью. Ее иск к Евтушенко должен был, по замыслу хозяйничающих субъектов, легитимизировать МОБОП и прекратить судебную чехарду. Московский областной суд и прекратил ее в минувшую среду: признал саму Казакову «нелегитимной». Настоящий Литературный фонд возглавляет Юрий Поляков.

А Евгений Евтушенко продолжит «борьбу» с общественным имуществом, возводя на уже вековых переделкинских руинах образец частного хозяйства. Что же до Риммы Казаковой, ей, видимо, придется зарабатывать на жизнь не у Полумяна, а в другом месте. Например, снова писать тексты для нашей беззастенчивой попсы.

● Лилия МУХАМЕДЬЯРОВА,
Наталия САВОСЬКИНА

Евтушенко Евтушки

23.06.04.